

УДК 343.1

DOI 10.17223/23088451/11/14

А.А. Михайлов

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Отмечается методологическое значение принципа непосредственности для установления действительных фактических обстоятельств уголовного дела в судебном разбирательстве. Рассмотрение принципа непосредственности под обозначенным углом зрения осуществляется, в частности, в соотнесении с принципом состязательности. В рамках обоснования понимания принципа непосредственности как метода исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел производится разграничение понятий «исследование фактических обстоятельств уголовного дела» и «исследование доказательств». Содержание принципа непосредственности с учетом его методологического значения раскрывается через субъектно-целевую, технологическую и предметную стороны непосредственности.

Ключевые слова: принцип непосредственности, принцип состязательности, истина, исследование доказательств, судебное разбирательство.

В современной теории уголовного процесса России применительно к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела обоснованно подчеркивается методологическое значение принципа состязательности. Так, профессор М.К. Свиридов предлагает рассматривать состязательность как «способ (наилучший) установления истины» [1, с. 146]. Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский, определяя принцип состязательности и равноправия сторон как правовой метод познания, пишут, что он позволяет преодолеть сложность ретроспективного характера познания за счет того, что функционально направленная деятельность сторон предполагает разностороннее выявление юридически значимых и необходимых следов преступления, способных дать доказательства по делу [2, с. 176].

При этом в плане обеспечения достижения истины по уголовному делу методологический характер присущ не только принципу состязательности, но и принципу непосредственности. Еще В.К. Случевский, один из теоретиков отечественного дореволюционного уголовного процесса, отмечал, что началом непосредственности устанавливается «господствующий в процессе метод исследования собранного по делу фактического материала, благодаря которому открывается для судьи возможность проверить своими чувствами достоинства и недостатки выяснившихся по делу доказательств» [3, с. 53]. В советский период развития уголовного процесса об обозначенной сущностной стороне непосредственности писали, в частности, Н.А. Дудко [4, с. 74], Н.Н. Полянский [5, с. 108] и И.В. Тыричев [6, с. 63]. Н.А. Дудко в своей диссертационной работе одновременно акцентирует внимание на том, что непосредственность судебного разбирательства, являясь методом исследования доказательств, выступает в качестве связующего звена в системе общих условий судебного разбирательства [4, с. 74].

В современной теории уголовного процесса положения о методологическом значении непосредственности развиваются Л.А. Зашляпиным, который увязывает с принципом непосредственности содержание судебных действий следственного характера. По этому поводу он, в частности, пишет: «Понимание непосред-

ственности как метода позволяет рассматривать судебные действия следственного характера не только как проявление компетенциальной активности суда, но и как проявление судебных технологий (их оснований). Как минимум толкование принципа непосредственности указывает на целевую ориентацию активности суда, что предопределяет юрисдикционные технологии его деятельности» [7, с. 41–42]. При этом, как отмечает указанный ученый-процессуалист: «Через применение принципиального положения о непосредственности исследования доказательств, что детерминирует содержание судебных действий следственного характера, проявляется особая компетенция суда, ее воплощение в уголовно-процессуальной форме» [7, с. 43–44]. Одновременно Л.А. Зашляпиным подчеркивается, что «при теоретическом рассмотрении функции разрешения дела она видится более близкой к принципу непосредственности исследования доказательств, чем к принципу состязательности. Непосредственность, выступая методом (способом) реализации судебной компетенции, позволяет добиться результата – разрешить дело» [7, с. 46].

Л.А. Зашляпиным правильно отмечается наличие взаимосвязи между непосредственным исследованием доказательств и выполняемой судом функцией разрешения дела по существу. Данную взаимосвязь можно определить следующим образом: непосредственное исследование судом доказательств обеспечивает правильное разрешение дела по существу, тогда как последнее является целью непосредственного исследования доказательств. При этом выполняемая судом функция разрешения дела, несомненно, обуславливает наличие у него качественно иной активности в судебном разбирательстве, чем у сторон.

В то же время, как представляется, нельзя говорить о том, что функция разрешения дела является более близкой принципу непосредственности, чем принципу состязательности. И принцип непосредственности, и принцип состязательности организуют исследование доказательств в судебном разбирательстве, обеспечивая разрешение уголовного дела по существу, однако их функциональная роль в данном процессе является различной. Соответственно нельзя и, наоборот, сво-

дить принцип непосредственности лишь к одному из проявлений состязательности. Подобный подход прослеживается, к примеру, во взглядах А.В. Смирнова. Данный ученый-процессуалист пишет, что очность уголовной процедуры «предполагает, во-первых, необходимость личного присутствия сторон в судебном заседании», и, во-вторых, означает, что «одни лишь «немые свидетели» (протоколы, документы, вещественные доказательства), в отличие от свидетелей «говорящих», недостаточны для того, чтобы обеспечить состязательность судопроизводства. Здесь находятся корни принципа непосредственности исследования доказательств, понимаемого как требование обязательного представления и исследования в суде доступных первоисточников доказательственной информации» [8, с. 43]. Несмотря на то, что А.В. Смирнов включает непосредственность исследования доказательств в число инструментальных принципов судопроизводства, характеризующих состязательную форму уголовного процесса [8, с. 4–5], подчинение непосредственности состязательному началу, думается, в конечном итоге приводит к снижению его значения в теории и на практике. Данную проблему одним из первых в современной уголовно-процессуальной теории поднял М.К. Свиридов [9, с. 175].

Позиция Верховного Суда РФ по вопросу о непосредственности исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел, как представляется, является отражением отсутствия четкого понимания содержания начала непосредственности в теории уголовного процесса России. Хотя в отдельных своих решениях по уголовным делам Верховный Суд РФ определяет, что непосредственность исследования доказательств в суде является основополагающим принципом уголовного процесса [10], нарушение которого противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства [11, 12], в то же время Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51, посвященном практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции [13], называя принципы презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности и равноправия сторон в числе принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих реализацию права на справедливое судебное разбирательство, прямо не обозначает в данном ряду принцип непосредственности, хотя, безусловно, имеет в виду непосредственное исследование доказательств в судебном разбирательстве в числе иных принципов уголовного судопроизводства и норм уголовно-процессуального законодательства, которые также должны соблюдаться в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, посвящая ему, в частности, п. 8 указанного постановления.

В то же время Верховный Суд РФ более конкретен в определении понятия непосредственности применительно к гражданскому судопроизводству. В целом ряде своих решений по гражданским делам, например в определении от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 [14], он устанавливает, что непосредственность судебного разбирательства – это принцип гражданского процесса,

определяющий метод исследования доказательств судом и являющийся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Удивляет, что подобное определение принципа непосредственности до сих пор не дано Верховным Судом РФ применительно к уголовному судопроизводству, хотя значение данного начала в уголовном процессе по сравнению с гражданским судопроизводством еще более велико с учетом суровых последствий положительного ответа на основной вопрос уголовного дела об уголовной ответственности лица за вменяемое ему деяние.

Для того чтобы в теоретическом плане определить, в чем заключается содержание принципа непосредственности как метода исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел, прежде необходимо определиться с содержанием понятия «исследование доказательств».

Действующий УПК РФ широко использует вышеуказанное понятие (в частности, в ч. 2 ст. 226.9, ч. 5 ст. 235, ч. 4 ст. 236, ч. ч. 1, 3 ст. 240, ч. 4 ст. 241, ст. 244, ч. 5 ст. 246, ч. 1 ст. 248, ч. 3 ст. 259, ст. 274, ч. 1 ст. 291, ст. 294, ч. 4 ст. 302, ч. 5 ст. 316, ч. 5 ст. 321, ч.ч. 2, 3 ст. 335, ч. 3 ст. 336, ч. 3 ст. 340, ч. 2 ст. 389.2, ч. 1.1 ст. 389.6, ч.ч. 6, 6.1, 7, 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 441 УПК РФ), причем первоначально применительно не к судебному разбирательству или другим судебным стадиям, а в закрепленном в ст. 5 УПК РФ понятии неотложных следственных действий, проводимых после возбуждения уголовного дела, в том числе в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Другими словами, с точки зрения законодателя, исследование доказательств осуществляется уже на стадии предварительного расследования.

При этом наряду с исследованием доказательств УПК РФ использует и такие понятия, как «рассмотрение доказательств» (ч. 4 ст. 292, ч. 1 ст. 332, ст. 389.16 УПК РФ) и «исследование фактических обстоятельств уголовного дела» (ч. 5 ст. 316, ч. 4 ст. 317.7, ч. 1 ст. 333, ч. 7, 8 ст. 335 ч. 5 ст. 344, ч. 1 ст. 429 УПК РФ). Анализ норм УПК РФ, в которых используется понятие «рассмотрение доказательств», позволяет заключить, что последнее является синонимом исследования доказательств, осуществляемого в судебном разбирательстве, поскольку употребляется в аналогичных ситуациях, в которых в УПК РФ идет речь об исследовании доказательств на данной стадии уголовного судопроизводства. Однако об идентичности понятий «исследование доказательств» и «исследование фактических обстоятельств уголовного дела», думается, вести речь нельзя.

М.С. Строгович так высказывался относительно последнего из обозначенных понятий: «Весь процесс исследования обстоятельств дела представляет собой

движение следствия от известных фактов к фактам неизвестным, пока все существенные обстоятельства дела не будут выяснены» [15, с. 304]. Кроме того, им обоснованно отмечалось, что «исследование, установление фактов, обстоятельств происходит при помощи доказательств, и только доказательств», а доказывание – «это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела», отождествляемое данным ученым-процессуалистом с познанием истины по уголовным делам [15, с. 295–296]. Таким образом, М.С. Строгович также отождествлял исследование фактических обстоятельств уголовного дела и их установление, с чем необходимо согласиться, с одним лишь уточнением: установление фактических обстоятельств уголовного дела, рассматриваемое как процесс познания, действительно, идентично по своему содержанию исследованию указанных обстоятельств и соответственно доказыванию в уголовном процессе, в то время как установление фактических обстоятельств уголовного дела как результат познания истины в уголовном судопроизводстве есть цель исследования фактических обстоятельств уголовного дела.

Одновременно важно отметить, что не следует отождествлять факты и фактические обстоятельства. Л.Т. Ульянова совершенно правильно пишет: «Предметом доказывания не могут быть «факты», под которыми понимаются действительные, вполне реальные события, явления. Реальное событие преступления к моменту расследования и рассмотрения уголовного дела относится к прошлому. Факты объективной реальности могут существовать или не существовать. Поэтому они не подлежат доказыванию» [16, с. 40]. В силу того, что преступное деяние как явление объективной реальности осталось в прошлом, его познание осуществляется ретроспективно, путем реконструкции произошедшего с помощью выявленных следов преступления. При этом преступное поведение выступает явлением не только физической, но и социальной реальности [2, с. 136], тем самым обуславливая двойственную природу объекта процессуального познания, включающую, как справедливо указывают Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский, область физических действий и реальных событий, а также область их юридической значимости (сущности). Внешняя, явленная сторона объекта процессуального познания, отмечают указанные авторы, обусловлена и выражена фактическими обстоятельствами и имеет собственное объективное содержание, возникающее и развивающееся независимо от сознания познающего субъекта. В то же время внутренняя (сущностная) сторона объекта процессуального познания обусловлена юридическим значением данного события или его отдельных проявлений. В результате процессуальная задача субъекта познания состоит в выявлении лишь юридически значимых обстоятельств, хотя внешние проявления преступного события многогранны и разнообразны [2, с. 127–128]. Преступное деяние уже в момент совершения характеризуется признаками, которые включены законодателем в состав преступления, однако соответствие фактических обстоятельств, в которых прояв-

ляется указанное деяние как факт объективной реальности, правовым признакам, присущим тому или иному составу преступления, познается только в ходе уголовного судопроизводства.

Таким образом, процесс принятия решения по уголовному делу, первым этапом которого выступает исследование (установление) фактических обстоятельств, можно рассматривать как переход от преступного деяния, являющегося фактом объективной реальности, оставшимся в прошлом, к преступному деянию – юридическому факту, формируемому в ходе правоприменительной деятельности субъекта познания посредством реконструкции произошедшего. В философском понимании это означает переход от явления (фактических обстоятельств, в которых проявляется преступное деяние как факт объективной реальности) к сущности (преступному деянию, содержащему все признаки состава преступления, – юридическому факту). В этом плане предмет доказывания по уголовному делу как совокупность фактических обстоятельств, подлежащих установлению, выступает «промежуточным», но одновременно объективно необходимым понятием, с помощью которого снимается диалектическое противоречие между преступным деянием – фактом объективной реальности, оставшимся в прошлом, и преступным деянием – юридическим фактом, который становится явлением объективной реальности только в результате установления всех юридически значимых для разрешения уголовного дела фактических обстоятельств и их правовой оценки. Ведь если по уголовному делу не удалось установить в полном объеме фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и, к примеру, лицо, в действительности совершившее преступление, оправдано в соответствии со вступившим в законную силу приговором суда в связи с неустановленной причастностью к совершению преступления, преступное деяние как факт объективной реальности, будучи элементом прошлого, все равно остается таковым, однако говорить о преступлении как о юридическом факте в данном случае нельзя.

Некоторые фактические обстоятельства в отличие от факта преступного деяния, оставшегося в прошлом, могут непосредственно восприниматься субъектом познания (например, материальные последствия преступления, орудия преступления, предметы преступного посягательства, некоторые обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и др.), однако, несмотря на такую возможность, они во всех случаях исследуются с помощью доказательств. Это обеспечивает объективность исследования фактических обстоятельств и достоверность его результатов.

В современной российской теории уголовного процесса в структуре доказывания традиционно выделяются три элемента: сбор, проверка и оценка доказательств. Данный подход к структуре доказывания отражен и в УПК РФ, в том числе в ст. 85, определяющей понятие доказывания. Исследование доказательств в обозначенной статье, а также в целом в гл. 11 УПК РФ, посвященной доказыванию, не упоминается. Однако авторские определения понятия «исследование доказательств» содержатся в работах ряда отечественных ученых-процессуалистов.

Например, Ц.М. Каз изначально полагала, что под исследованием доказательств следует понимать ознакомление с доказательственными фактами и анализ этих фактов [17, с. 47]. При этом в качестве доказательственных фактов ею рассматривались фактические данные [17, с. 25]. Позднее она писала, что исследование доказательств состоит в их изучении, анализе, сопоставлении с другими материалами дела [18, с. 8].

Одним из наиболее известных в отечественной уголовно-процессуальной науке является определение исследования доказательств, даваемое Р.С. Белкиным, который отмечал, что «исследование доказательств – это познание следователем или судом их содержания, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу» [19, с. 48]. Исследование доказательств «как познание его содержания, его сущности» рассматривалось Р.С. Белкиным в качестве элемента процесса доказывания [19, с. 54].

В современной теории уголовного процесса России вопросы исследования доказательств достаточно глубоко прорабатывает А.А. Васяев. По его мнению, «под исследованием доказательств понимается их анализ судом и участниками уголовного судопроизводства в ходе судебного следствия для уяснения их сути, определения ценностных свойств через призму законодательно установленных требований к их уголовно-процессуальной форме и содержанию, в порядке, предусмотренном УПК РФ, с целью установления на их основе всего круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [20, с. 31]. Содержание процесса исследования доказательств, отмечает данный автор, составляют проверка и оценка доказательств [20, с. 31].

Л.А. Зашляпин по вопросу об исследовании доказательств судом пишет: «Понимание судебной деятельности как познания доказательств, представленных суду, необходимо всецело поддержать. В этом случае суд не собирает доказательства и не оценивает их при этом с позиции стороны, собравшей доказательства, а исследует их, что нужно понимать и как познание, поскольку использованный законодателем термин «исследование» вполне может расцениваться как «познание»» [7, с. 67]. В соответствии с его позицией, суд является субъектом проверки доказательств, представленных сторонами, и для него доказывание есть познание уже имеющихся доказательств, соответственно, несвязанность суда представленными сторонами доказательствами объективно надо понимать как возможность собирания новых доказательств, направленных на проверку представленных, но не более [7, с. 67–69]. Ранее об ограничении, в силу действия принципа состязательности, права суда по своей инициативе осуществлять производство судебных действий случаями необходимости проверки доказательств, уже имеющихся в деле, также писала А.А. Рукавишникова (Плашевская) [21, с. 115–116].

С.Б. Россинский указывает, что исследование доказательств «заключается в познании дознавателем, сле-

дователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания» [22, с. 26]. При этом ценной представляется мысль указанного ученого-процессуалиста рассматривать исследование доказательств как одну из процессуально-гносеологических технологий [22, с. 24, 27], хотя его указание на то, что исследование доказательств – это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собирание (формирование), проверка или оценка [22, с. 26], думается, сводит исследование доказательств к одному из элементов процесса доказывания, но не характеризует данное понятие как технологию.

Категория «технология» в последние годы все больше проникает в правовые науки. И хотя отношение к ней в правовой теории не однозначное, что можно увидеть на примере криминалистики [23], тем не менее существуют объективные предпосылки для более широкого использования указанной категории в общественных, в том числе правовых, науках в целях исследования тех или иных проблем теории и практики, поскольку технология имеет не только преобразовательную, но и познавательную сущность. В.И. Кудашов, акцентируя внимание на последней черте сущности технологии, отмечает, что «объектом технологизации становятся не только инструменты и средства, но и сам человек как субъект деятельности. Технология сама становится неотъемлемым элементом культуры и мерой развития человека, поскольку она выступает в виде стандартов, правил и норм, а также средств и способов целесообразной деятельности. В ходе развертывания научно-технического и информационного прогресса усилилось внимание к социальным аспектам технологий, следовательно, появилась возможность расширить технологический взгляд на многие стороны жизни общества: управление, экономику, науку, образование и др.» [24, с. 58]. И если в общем смысле слова, как также отмечает В.И. Кудашов, «технология представляет собой не просто совокупность инструментов и даже не только комплекс знаний о способах и средствах, но упорядоченную в определенной целенаправленной методологии систему знаний и действий», то социальную технологию, с его точки зрения, «можно определить как процесс социального взаимодействия, в котором каждый реализует свою стратегию и формирует социальную реальность» [24, с. 58–59].

В связи с указанным Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский правомерно рассматривают уголовный процесс как социальную технологию: «Уголовный процесс, задачей которого является разыскание истины и принятие судом по результатам поиска справедливого решения, может рассматриваться и как социальная, и как эпистемологическая технология. Эпистемологической эту технологию делает разыскание истины, а социальной – тематизация справедливости. Но не только это позволяет называть уголовный процесс социальной технологией: сам процесс разыскания истины выступает как предельно социальное явление. Его содержанием всегда становится конкуренция разнооб-

разных интересов, намерений, мотивов, что в действительности есть конкуренция акторов, социальных сил и институций» [2, с. 39]. Технологию в уголовном процессе указанные ученые определяют следующим образом: «Под технологией в уголовном судопроизводстве, очевидно, следует понимать определенную и последовательную совокупность не только процессуальных действий и решений, прямо предписанных законом, но и совокупность множества иных приемов, способов, методов и форм осуществления уголовного судопроизводства в реальной практике» [2, с. 92].

Технологичность уголовного процесса означает, что его можно рассматривать не просто в качестве единой технологии, но и как систему взаимосвязанных между собой технологий, обеспечивающих достижение целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством в целом. При этом технологии познания в уголовном процессе должны быть направлены на достижение истины, причем истины материальной (объективной). М.К. Свиридов следующим образом, причем очень точно, обозначает необходимость установления в уголовном процессе истины такого характера: «Главным в сфере уголовного судопроизводства, где решается вопрос о наиболее значимых для людей ценностях, должно быть достижение объективной истины во всех случаях вынесения судом итоговых решений. Без адекватного отражения в выводах суда того, что произошло, невозможно правильно применить норму уголовного права и тем самым выполнить основное назначение уголовного судопроизводства» [25, с. 143].

Исследование доказательств в уголовном процессе следует рассматривать не как один из элементов доказывания, а как технологию познания, работы с доказательствами, предназначенную обеспечивать достижение истины.

Характеризуя исследование доказательств в таком качестве, необходимо отметить, что оно, прежде всего, представляет собой определенное сочетание элементов доказывания. Большинство авторов, рассматривая исследование доказательств, включают в его содержание проверку доказательств. Соглашаясь с таким подходом, в то же время нельзя не обратить внимание на то, что, как указывают Л.В. Головки и Л.Т. Ульянова, «проверку доказательств (в отличие от их собирания и оценки) нельзя считать в теоретическом смысле общепринятым (универсальным со сравнительно-правовой точки зрения) элементом доказывания» и что «этот элемент доказывания действительно очень трудно отделить в юридико-технической плоскости от собирания и оценки доказательств» [26, с. 467]. Поэтому проверка доказательств – это также особое сочетание собирания и оценки доказательств, практической и мыслительной деятельности субъекта познания, однако объединенных в качественно иной элемент доказывания в силу специфики объекта указанной деятельности и общей цели, стоящей в данном случае перед ними. Объектом данной деятельности выступают уже полученные и облеченные в процессуальную форму доказательства [27, с. 85], а целью – выяснение доброкачественности собранного по делу материала [28, с. 302]. Обозначенные объект и цель, придающие сочетанию

собирания и оценки доказательств особую направленность, присущи указанному элементу доказывания на протяжении всех стадий уголовного процесса, в которых осуществляется познание фактических обстоятельств уголовного дела.

Более сложным следует признать вопрос о включении в содержание исследования доказательств наряду с проверкой такого элемента процесса доказывания, как оценка доказательств, которая представляет собой «мыслительную деятельность следователя, прокурора, судей, осуществляемую в логических формах при соблюдении научной методологии познания, обеспечивающей достижение истины» [28, с. 427]. Во-первых, как известно, оценка доказательств пронизывает весь процесс познания по уголовному делу и имеет место уже в ходе собирания доказательств. Во-вторых, как отмечено выше, оценка доказательств является частью проверки доказательств. Такие способы проверки доказательства, как анализ его содержания и формы, сопоставление с другими имеющимися в деле доказательствами, есть не что иное, как мыслительная (логическая) деятельность субъекта познания, составляющая сущность оценки доказательств. В-третьих, УПК РФ в некоторых своих положениях (например, в ч. 2 ст. 226.9, ч. 5 ст. 316) говорит об исследовании и оценке доказательств, то есть выводит последнюю за пределы исследования доказательств.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, во-первых, следует оттолкнуться от выработанных в уголовно-процессуальной теории положений о предварительной и окончательной оценке доказательств [29, с. 96–105]. Одним из таких теоретических положений является справедливое утверждение П.А. Лупинской о том, что «на протяжении одной стадии процесса может иметь место предварительная и окончательная оценка доказательств; каждая приводит к убеждению о возможности и необходимости принять решение по определенному вопросу» [29, с. 99].

Во-вторых, для решения обозначенной проблемы в теоретическом плане, думается, необходимо воспользоваться принципом матрешки, в соответствии с которым можно выделить четыре уровня (вида) оценки доказательств, последовательно сменяющих друг друга. Критерием выделения в соответствии с указанным принципом уровней (видов) оценки доказательств являются выводы, для обоснования которых осуществляется оценка доказательств.

Первым уровнем (видом) оценки доказательств выступает первоначальная оценка доказательств, производимая в ходе их собирания в целях обоснования вывода о возможности приобщения соответствующих сведений в качестве доказательств. Вторым уровнем (видом) оценки доказательств является предварительная оценка доказательств, осуществляемая в ходе их проверки в целях обоснования вывода об их доброкачественности и возможности использования для принятия итогового решения на той или иной стадии уголовного процесса. На третьем уровне осуществляется предварительная оценка доказательств, по результатам которой делается вывод о возможности завершения практической деятельности по доказыванию на соот-

ветствующей стадии уголовного процесса. Такая оценка доказательств осуществляется, например, перед окончанием предварительного (ст. 215 УПК РФ) и судебного (ст. 291 УПК РФ) следствия. Характерный пример такого вида оценки приводит П.А. Лупинская: «К моменту окончания судебного следствия у каждого из судей должны сформироваться оценка доказательств и суждение о доказанности фактов. Эта оценка, данная каждым судьей, может быть охарактеризована как предварительная по отношению к тому убеждению, которое сложится у каждого судьи в результате коллегиального обсуждения результатов судебного следствия в совещательной комнате» [29, с. 99]. Четвертым (высшим) уровнем (видом) оценки доказательств является окончательная оценка доказательств, непосредственно предшествующая или сопутствующая формированию итоговых выводов в рамках той или иной стадии уголовного процесса. На стадии судебного разбирательства данная оценка доказательств производится судом в совещательной комнате. При этом на каждом новом уровне качество оценки доказательств повышается, в том числе в связи с расширением пределов оценки. На четвертом уровне расширение пределов оценки доказательств на стадии судебного разбирательства происходит, в частности, в связи с тем, что такая оценка осуществляется с учетом прений сторон и последнего слова подсудимого, а также обсуждения судьями результатов судебного следствия в совещательной комнате при коллегиальном рассмотрении уголовного дела.

Таким образом, в исследование доказательств входит предварительная оценка доказательств, осуществляемая на втором (в рамках проверки доказательств) и третьем (перед завершением практической деятельности по доказыванию на той или иной стадии уголовного процесса) уровнях.

Сочетание проверки и оценки доказательств в указанном выше объеме составляет основное содержание исследования доказательств как технологии работы с доказательствами. При обозначенном подходе к пониманию исследования доказательств, как представляется, в значительной степени снимаются вопросы разграничения проверки доказательств и их исследования, которые подняты в уголовно-процессуальной литературе [26, с. 468; 27, с. 83–85].

Кроме того, рассмотрение исследования доказательств в качестве технологии, а не элемента доказывания, позволяет объяснить включение в его содержание применительно к стадии судебного разбирательства оглашения протоколов и иных документов, показаний, данных при производстве предварительного расследования (ст. 240 УПК РФ), которое не является частью классической триады элементов, составляющих процесс доказывания в уголовном процессе (собрания, проверки и оценки доказательств), в отличие от заслушивания показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключения эксперта, осмотра вещественных доказательств, также указанных в ч. 1 ст. 240 УПК РФ.

Соответственно содержание исследования доказательств не является единым на всех стадиях уголовно-

го процесса. Помимо этого, на разных стадиях уголовного процесса различными являются цель, объем и характер исследования доказательств, что в своих работах убедительно показывает М.К. Свиридов. Он отмечает, что каждая стадия вносит в работу с доказательствами специфику, которую определяют, прежде всего, особенности задач и условий той или иной стадии [30, с. 112–113]. Так, задача предварительного расследования, пишет он, – «собрать все доказательства, необходимые для всестороннего установления всех обстоятельств уголовного дела (предмета доказывания)», а основное место в расследовании занимают собирание и проверка доказательств, их исследование [31, с. 151]. И хотя на стадии расследования имеются два разнонаправленных субъекта – стороны, однако последние «здесь в возможности действовать активно далеко не равны» [31, с. 151].

Задача стадии подготовки к судебному разбирательству, согласно М.К. Свиридову, состоит в том, что «судья должен убедиться в наличии оснований и всех необходимых условий для успешности будущего судебного разбирательства». Такая «задача исключает возможность установления в указанной стадии новых касающихся существа дела фактов, ранее не установленных следователем», а «основное содержание работы с доказательствами в анализируемой стадии составляет их исследование (проверка и оценка)» [30, с. 113]. В итоге им делается следующий вывод о цели и пределах (объеме) исследования доказательств в стадии подготовки дела: «исследование доказательств должно быть подчинено лишь цели обнаружения и устранения препятствий для рассмотрения дела в будущем судебном разбирательстве (именно такие слова – устранение препятствий – применены в ст. 237 УПК РФ); проводить исследование необходимо в таких границах, чтобы оно не побуждало судью формировать предварительный вывод по существу дела». Соответственно судья при подготовке дела «проверяет наличие или отсутствие допустимости доказательств и – частично – относимости (когда судье приходится разрешать ходатайства сторон об истребовании дополнительных доказательств)» [30, с. 117].

Относительно характера исследования доказательств на стадии судебного разбирательства М.К. Свиридов высказывается следующим образом: «Собранные и проверенные следователем, с участием защиты, доказательства затем в судебном разбирательстве должны быть исследованы с разных позиций сторонами обвинения и защиты. Лишь такое перекрестное исследование доказательств, чего не может быть в расследовании, создает основу для приговора» [31, с. 151]. Не менее важная особенность исследования доказательств подчеркивается им, когда он пишет, что «в силу специфики расследования формирование ценности доказательств (главным образом, их достоверности) до конца не доводится. Завершение формирования ценности доказательств происходит в судебном заседании – посредством исследования представленных следователем доказательств на новой, более качественной основе. Участником исследования, наряду со сторонами, является суд». Далее М.К. Свиридов делает

еще одно обоснованное заключение: «Окончательные выводы органа расследования по уголовному делу можно считать только вероятными, для признания их достоверными основания отсутствуют. Достоверные выводы по делу могут быть достигнуты только в судебном разбирательстве» [32, с. 8]. Соответственно, заключает он: «Лишь в судебном разбирательстве доказательства приобретают доброкачественность в полном объеме, преобразуясь из следственных доказательств в судебные, обладающие высшей юридической силой» [9, с. 176].

Аналогичная позиция в уголовно-процессуальной литературе высказана также И.Б. Михайловской, которая пишет: «Исследование доказательств в ходе судебного разбирательства как бы “надстраивает” их процессуальную форму (вполне адекватную в условиях предварительного расследования), придает им более высокий юридический статус, наделяет способностью служить основанием обвинительного приговора» [33, с. 120].

При этом объем и характер исследования доказательств помимо задач той или иной стадии уголовного процесса определяется также тем, в рамках какого из уголовно-процессуальных производств оно осуществляется. Например, общий порядок судебного разбирательства, особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, и порядок рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей функционируют на стадии судебного разбирательства, однако все они имеют серьезные особенности в регламентации порядка исследования доказательств. Так, к примеру, в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ судья в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Соответственно исследование доказательств носит здесь непосредственно-опосредованный характер, в отличие от общего порядка судебного разбирательства, в котором в максимальной степени реализуется принцип непосредственности.

Таким образом, цель, объем, характер и содержание исследования доказательств различаются на разных стадиях уголовного процесса и в разных уголовно-процессуальных производствах.

На основании вышеизложенного, исследование доказательств в общем виде можно определить как обусловленную задачами и условиями стадии уголовного процесса технологию работы с доказательствами, основное содержание которой составляет сочетание проверки и предварительной оценки доказательств, реализуемую в рамках конкретного уголовно-процессуального производства с учетом его особенностей.

Наибольшее влияние на организацию исследования доказательств оказывают принципы уголовного процесса, носящие методологический характер. Методы организации деятельности наряду с другими элементами также составляют содержание технологии. При этом в философии науки подчеркивается, что, являясь составной частью системы средств познавательной

деятельности, метод, в свою очередь, представляет собой определенную систему взаимосвязанных элементов – логических операций, процедур, нормативных положений, правил познавательной деятельности [34, с. 17]. Данные признаки в полной мере присущи принципам уголовного процесса, организующим исследование доказательств в судебном разбирательстве.

Целевая направленность (достижение материальной истины) континентального уголовного процесса, в русле которого исторически развивался отечественный уголовный процесс, обуславливает системообразующее значение в нем принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, который в уголовном процессе стран континентальной Европы также именуется принципом материальной истины, инквизиционным (инструктивным) принципом или принципом расследования (следствия). Функциональная роль данного принципа состоит в выстраивании стратегии познания фактических обстоятельств уголовного дела в рамках всего уголовного процесса, в том числе при исследовании доказательств в судебном разбирательстве, что отражает его общий методологический характер. Необходимо согласиться с А.С. Барабашем и А.А. Брестером, когда они пишут, что «в качестве метода публичного уголовного процесса выступает именно единое требование объективности, всесторонности и полноты исследования. Там, где необходимо реализовать общественный интерес, нет иного пути для предварительного и судебного расследования. Метод этот сформировался за многие века, когда в результате многократных повторений актов деятельности достигалась ее цель» [35, с. 135–136].

Исключение принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела из российского уголовного процесса в ходе реформирования последнего в начале 2000-х годов во многом способствовало разбалансированию системы уголовного судопроизводства России. В то же время принцип расследования или инструктивный принцип, к примеру, остается закрепленным в §244 (2) УПК ФРГ, в соответствии с которым для выяснения истины суд должен по официальной инициативе распространить исследование доказательств на все факты и средства доказывания, имеющие значение для принятия решения [36, с. 266]. Немецкими процессуалистами он возводится в число принципов, на которых основывается исследование доказательств, являющееся «наиболее важной частью, ядром основного судебного разбирательства в германском уголовном процессе», а такой его элемент, как то, что осуждение может опираться только на доказанное в судебном разбирательстве, одновременно рассматривается как составная часть принципа непосредственности разбирательства [37, с. 175].

Если стратегия познания в уголовном процессе континентального типа, в том числе в судебном разбирательстве, должна выстраиваться с помощью принципа материальной истины (всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела), то тактику исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел определяют такие значимые

в методологическом плане принципы уголовного процесса, как состязательность, непосредственность и свободная оценка доказательств. С определенной долей условности можно сказать, что зоны ответственности в исследовании доказательств в судебном разбирательстве распределены между указанными принципами следующим образом: принцип состязательности в наибольшей степени отвечает за методологию собирания доказательств в целях их проверки, организуя этот процесс на основе равноправия сторон и исключая возложение на суд каких-либо иных функций помимо разрешения уголовного дела, принцип непосредственности – за методологию проверки доказательств в аспекте выстраивания непосредственных связей между судьей, разрешающим дело по существу, и источниками доказательств, а принцип свободной оценки доказательств – соответственно за методологию оценки доказательств по внутреннему убеждению, раскрываемую в правилах, содержащихся в ст.ст. 17, 88 УПК РФ.

Правила, образующие принцип состязательности, обеспечивают процессу исследованию доказательств в судебном разбирательстве диалектическую структуру, которая, в свою очередь, способствует генерированию гипотез, относящихся к различным вопросам факта и права и, тем самым, всестороннему и полному исследованию фактических обстоятельств уголовного дела. У М.К. Свиридова данная сторона состязательности описывается следующим образом: «Обязательным средством для качественной проверки доказательств является состязательность, в условиях которой каждое доказательство проверяется перекрестно, с позиций разных сторон» [32, с. 6]. Итальянский процессуалист М. Таруффо по этому поводу также отмечает, что суждение судьи имеет диалектическую (диалогическую) структуру. Она заключается в том, что между сторонами выстраивается диалог по вопросам права и факта. Такое взаимодействие сторон является основным источником различных гипотез для принятия судьей окончательного решения. Кроме того, диалектичность проявляется в том, что обоснование принимаемого решения может быть рассмотрено как диалог судьи с самим собой. Судья выводит из аргументов сторон или формулирует сам гипотезу, проверяет ее и решает, является она правильной или нет [38, с. 313–314].

Вопрос о содержании принципа непосредственности – это вопрос о правилах, которые его образуют. Методологический характер принципа непосредственности позволяет выразить его содержание через формулу в виде вопросного ряда: кто и для чего, где и как, что исследует и как результаты такого исследования должны быть учтены.

Первое правило, образующее содержание принципа непосредственности, заключается в том, что исследование доказательств в целях разрешения уголовного дела по существу производится судом. Данное правило отражает главное предназначение суда в уголовном процессе – рассмотреть дело по существу. Уже статус судьи как должностного лица, призванного осуществлять именем государства правосудие, в значительной мере обеспечивает легитимность результатов исследования доказательств. Ведь каким бы ни был в той или

иной стране измеряемый уровень доверия населения к судам, только судебная власть в лице своих носителей – судей в глазах населения обладает легитимностью, чтобы принимать решения по правовым спорам, затрагивающим наиболее важные права человека и гражданина.

С помощью этого правила решается и такая характерная для континентального уголовного процесса в связи с существованием предварительного расследования проблема, как обеспечение нахождения центра тяжести доказывания в судебном разбирательстве, а не в досудебном производстве.

Таким образом, рассмотренное правило отражает субъектно-целевую сторону принципа непосредственности, обеспечивающую ответы на вопросы, кто и для чего исследует доказательства в судебном разбирательстве.

Вторая сторона принципа непосредственности отвечает на вопросы, где и как исследуются доказательства, и с учетом этого ее можно определить как технологическую. Исследование доказательств в судебном разбирательстве производится в качественно иных по сравнению с предварительным расследованием условиях, создаваемых действующими наряду с непосредственностью началами состязательности, устности и гласности. Правилами, образующими технологическую сторону принципа непосредственности, являются, во-первых, личное восприятие доказательств судьями, разрешающими дело по существу, и, во-вторых, привлечение к участию в судебном разбирательстве всех участников процесса, могущих поставить под сомнение относящиеся к делу доказательства.

Третья, предметная, сторона принципа непосредственности отвечает на вопросы, что исследуется и как результаты исследования должны быть учтены. Предметная сторона принципа непосредственности обуславливает обязанности суда, во-первых, исследовать доказательства, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию фактическим обстоятельствам, то есть доказательства из первоисточников, и, во-вторых, основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве. Поэтому, как правильно отмечает М.К. Свиридов: «Перевод доказательств из следственных в судебные осуществляет действие принципа непосредственности» [9, с. 176].

Рассмотренные правила, образующие содержание принципа непосредственности, направлены на обеспечение достоверности знания, полученного в ходе исследования доказательств в судебном разбирательстве, и целостного восприятия судьей доказательств в целях воссоздания действительной картины произошедшего. Методологический характер принципа непосредственности проявляется также в том, что данные функции выполняются им в тесном взаимодействии с другими началами уголовного процесса, в том числе неизменностью состава суда и устностью, которым, однако, обозначенный характер не присущ.

В заключение автор настоящей статьи выражает надежду, что ему наряду с попыткой раскрыть обозначенную в наименовании статьи тему удалось подчерк-

нуть значительную вклад, который внес в разработку в науке уголовного процесса вопросов истины, исследования доказательств, состязательности и непосредственности профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юриче-

ского института Национального исследовательского Томского государственного университета М.К. Свиридов. Как мой учитель и ученый, Михаил Константинович оказал серьезное влияние на формирование моих научных взглядов, в связи с чем выражаю ему самую искреннюю и глубокую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свиридов М.К. О состязательности российского уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 41 / ред. С.А. Елисеев, М.К. Свиридов, Р.Л. Ахмедшин. Томск, 2008. С. 145–146.
2. Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Социальные технологии и юридическое познание. М. : Норма, 2017. 192 с.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., Тип-я М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.
4. Дудко Н.А. Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 216 с.
5. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во МГУ, 1956. 271 с.
6. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1983. 80 с.
7. Захляпин Л.А. Судебные действия следственного характера как научная метафора. М. : Юрлитинформ, 2011. 320 с.
8. Смирнов А.В. Принципы уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб. : СПбГИЭУ, 2002. 66 с.
9. Свиридов М.К. Непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 47 / под ред. С.А. Елисеева, В.А. Уткина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 175–176.
10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2006 г. № 81-О06-61 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
11. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.03.2014 г. № 47-АПУ14-6 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.03.2018).
12. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.04.2014 г. № 205-АПУ14-2 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.03.2018).
13. Постановление Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
14. Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.03.2018).
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с.
16. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие. М. : Городец, 2008. 176 с.
17. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1960. 106 с.
18. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. 68 с.
19. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. 295 с.
20. Васяев А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. М., 2016. 472 с.
21. Плашевская А.А. Собрание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 204 с.
22. Россинский С.Б. Собрание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
23. Нязьков А.С. Криминалистическая технология и криминалистическая тактика: проблемы соотношения понятий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 123–127.
24. Кудашов В.И. Социальные технологии в обществе знания: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 58–64.
25. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
26. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.
27. Шейфер С.А., Николаева К.А. К вопросу о структуре доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 82–87.
28. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 735 с.
29. Лутинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М. : Юрид. лит., 1976. 168 с.
30. Свиридов М.К. Исследование доказательств в стадии подготовки к судебному разбирательству // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 30 / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2006. С. 112–117.
31. Свиридов М.К. Предварительное расследование и состязательность // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 44 / под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2009. С. 150–151.
32. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 51 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; ред. О.И. Андреева, И.В. Чаднова. Томск, 2011. С. 3–8.
33. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : Проспект, 2006. 192 с.
34. Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1998. 224 с.
35. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2013. 218 с.

36. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
37. Шредер Ф.-К., Ферелл Т. Уголовно-процессуальное право Германии = Strafprozessrecht : пер. с нем. 5-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.
38. Taruffo M. Judicial Decisions and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. June 1998. Vol. 6, is. 2–4. P. 311–324.

THE PRINCIPLE OF IMMEDIACY AS A METHOD OF EXAMINATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 68–78. DOI 10.17223/23088451/11/14

Aleksandr A. Mikhaylov, state civil servant of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: principle of immediacy, principle of adversariality, truth, examination of evidence, trial.

The article notes the methodological importance of the principle of immediacy for establishing the actual factual circumstances of a criminal case in a court proceeding. The principle of immediacy from the indicated point of view is considered, in particular, in relation to the principle of adversariality. These two principles organise examination of evidence in a court proceeding and ensure the resolution of the criminal case on the merits, but their functional role in this process is different. Accordingly, one can not reduce the principle of immediacy to one of the manifestations of adversariality.

Examination of evidence is defined as a technology of working with evidence set by the tasks and conditions of the criminal trial stage. Its main content is the combination of verification and preliminary assessment of evidence implemented within a specific criminal procedure, taking into account its characteristics. The purpose, scope, nature and content of examination of evidence differ at different stages of the criminal procedure and in different criminal proceedings.

The methodological nature of the principle of immediacy makes it possible to express its content through a formula in the form of a question series: who examines, why, where and how one examines, what is examined, and how the results of examination should be taken into account. The content of the principle of immediacy, with all its methodological significance, is revealed through the subject-target, technology and subject-matter aspects of immediacy.

The subject-target aspect of the principle of immediacy gives answers to questions about who and why examines the evidence in the trial. It is expressed in the fact that examination of evidence for the purpose of resolving a criminal case on the merits is made by the court.

The second aspect of the principle of immediacy answers the questions of where and how evidence is examined, and thus it can be defined as a technology aspect. The rules that form this aspect of the principle of immediacy are, firstly, the personal perception of evidence by the judges resolving the case on the merits, and, secondly, the involvement in the court proceeding of all participants who may challenge the evidence relevant to the case.

The third, subject-matter, side of the principle of immediacy answers the questions of what is examined and how the results of examination should be taken into account. The subject matter of the principle of immediacy determines the duties of the court, firstly, to investigate the evidence directly related to the facts to be proved, that is, the evidence from the original sources, and, secondly, to base the sentence on the evidence that was examined in the court proceeding only.

References

1. Sviridov, M.K. (2008) O sostyazatel'nosti rossiyskogo ugolovnogo protsessa [On the adversarial nature of the Russian criminal procedure]. In: Eliseev, S.A., Sviridov, M.K. & Akhmedshin, R.L. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 41. Tomsk: Tomsk State University. pp. 145–146.
2. Voskobitova, L.A. & Przhilenskiy, V.I. (2017) *Sotsial'nye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie* [Social technologies and legal knowledge]. Moscow: Izdatel'stvo "Norma".
3. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian criminal procedure. Legal structure – legal proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Dudko, N.A. (1984) *Obshchie usloviya sudebnogo razbiratel'stva v sisteme garantii sotsialisticheskogo pravosudiya* [General conditions of the trial in the system of guarantees of socialist justice]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Polyanskiy, N.N. (1956) *Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Issues of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow: Moscow State University.
6. Tyrichev, I.V. (1983) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Issues of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow: VYuZL.
7. Zashlyapin, L.A. (2011) *Sudebnye deystviya sledstvennogo kharaktera kak nauchnaya metafora* [Judicial actions of an investigative nature as a scientific metaphor]. Moscow: YurLitinform.
8. Smirnov, A.V. (2002) *Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of criminal proceedings]. St. Petersburg: SPBGIEU
9. Sviridov, M.K. (2010) Neposredstvennost' issledovaniya dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve [Immediate investigation of evidence in the trial]. In: Eliseev, S.A. & Utkin, V.A. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 47. Tomsk: Tomsk State University.
10. Konsul'tant Plyus. (2006) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25.10.2006 No. 81-O06-61* [Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 81-O06-61 of October 25, 2006]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
11. Konsul'tant Plyus. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.03.2014 No. 47-APU14-6* [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47-APU14-6 of March 11, 2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. Konsul'tant Plyus. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.04.2014 No. 205-APU14-2* [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 205-APU14-2 of April 24, 2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Konsul'tant Plyus. (2006) *Postanovlenie Verkhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2017 g. No. 51 "O praktike primeneniya zakonodatel'stva pri rassmotrenii ugolovnykh del v sude pervoy instantsii (obshchiy poryadok sudoproizvodstva)"* [Decision of the Su-

- preme Court of the Russian Federation No. 51 of December 19, 2017 “On the practice of applying legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general procedure of proceedings)”. Moscow: Konsul'tant Plyus.
14. Konsul'tant Plyus. (2006) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 5 oktyabrya 2010 g. No. 5-V10-67* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-B10-67 of October 5, 2010]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
 15. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa* [A course of the Soviet criminal procedure]. Vol. I. Moscow: Nauka.
 16. Ul'yanova, L.T. (2008) *Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossii* [The subject of proof and evidence in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Izd-vo Gorodets.
 17. Kaz, Ts.M. (1960) *Dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse* [Evidence in the Soviet criminal procedure]. Saratov: Saratov State University.
 18. Kaz, Ts.M. (1968) *Sub'ekty dokazyvaniya v sovetskom ugovnom protsesse* [Subjects of proof in the Soviet criminal procedure]. Saratov: Saratov State University.
 19. Belkin, R.S. (1966) *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collection, examination and assessment of evidence. Essence and methods]. Moscow: Nauka.
 20. Vasyaev, A.A. (2016) *Teoriya issledovaniya dokazatel'stv v rossiyskom ugovnom protsesse* [Theory of evidence research in the Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
 21. Plashevskaya, A.A. (2006) *Sobiranie sudom dokazatel'stv pri rassmotrenii dela po pervoy instantsii v ugovnom protsesse Rossii* [Collection of evidence by the court in the consideration of the case at a first instance in the criminal proceedings of Russia]. Tomsk: NTL.
 22. Rossinskiy, S.B. (2017) Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: problemy razgraniicheniya [Collection, formation and investigation of evidence in criminal proceedings: the problem of separation]. *Rossiyskaya yustiitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 24–27.
 23. Knyaz'kov, A.S. (2010) Criminalistics technology and criminalistics tactics: problems of notions correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 338. pp. 123–127. (In Russian).
 24. Kudashov, V.I. (2012) Social technologies in the knowledge society: Cognitive aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (20):1. pp. 58–64. (In Russian).
 25. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
 26. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovnogo protsesssa* [A course of the criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.
 27. Sheyfer, S.A. & Nikolaeva, K.A. (2016) K voprosu o strukture dokazyvaniya/On the structure of the burden of proof. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (20). pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/10
 28. Zhogin, N.V. (ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Theory of proof in the Soviet criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
 29. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержanie i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms]. Moscow: Yurid. Lit-ra.
 30. Sviridov, M.K. (2006) Issledovanie dokazatel'stv v stadii podgotovki k sudebnomu razbiratel'stvu [The study of evidence in preparation for the trial]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 30. Tomsk: Tomsk State University.
 31. Sviridov, M.K. (2009) Predvaritel'noe rassledovanie i sostyazatel'nost' [Preliminary investigation and adversariality]. In: Eliseev, S.A., Sviridov, M.K. & Akhmedshin, R.L. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 44. Tomsk: Tomsk State University.
 32. Sviridov, M.K. (2011) Ustanovlenie istiny na predvaritel'nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel'stve [Establishment of truth in preliminary investigation and in a trial]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 51. Tomsk: Tomsk State University.
 33. Mikhaylovskaya, I.B. (2006) *Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovnom protsesse* [The judge's bench book for proving in criminal procedure]. Moscow: Prospekt.
 34. Podkorytov, G.A. (1998) *O prirode nauchnogo metoda* [On the nature of the scientific method]. Leningrad: Leningrad State University.
 35. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugovnogo protsesssa* [The method of the Russian criminal procedure]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
 36. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupitel'noy stat'yoj professora Uve Khell'manna “Vvedenie v ugovno-protsessual'noe pravo FRG”* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann “Introduction to the criminal procedure law of the Federal Republic of Germany”]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
 37. Schroder, F.-K. & Ferrell, T. (2016) *Ugovno-protsessual'noe pravo Germanii = Strafprozessrecht* [Criminal Procedure Law of Germany = Strafprozessrecht]. Translated from German. 5th ed. Moscow: Infotopik Media.
 38. Taruffo, M. (1998) Judicial Decisions and Artificial Intelligence. *Artificial Intelligence and Law*. 6 (2–4). June. pp. 311–324.